

МИХАИЛ ГУНДАРИН

#ПесниЦоя

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6
Г94

Вступительная статья Е. Попова

Гундарин М.

Г94 #ПесниЦоя : [сборник] / Михаил Гундарин ; [вступ. ст. Е. А. Попова]. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2022. — 196 с. — (Серия «Пальмира — проза»).

ISBN 978-5-517-02984-3

Реальность в этой книге неуловимо трансформируется, невероятное становится допустимым и возможным, прошлое меняется местами с будущим. Мелкие бесы помогают коррупционерам-силовикам; инопланетяне-людоеды устраивают перестройку; дверь в стене провинциального кафе оказывается входом в Преисподнюю. И над всем этим звучит со старой пленки надтреснутый голос Виктора Цоя.

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Гундарин М., 2022
© Попов Е. А., вступительная статья, 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

ISBN 978-5-517-02984-3

О МИХАИЛЕ ГУНДАРИНЕ

Евгений Попов

Обстоятельства как-то незаметно сложились так, что на литературной карте России, начиная от Владивостока и заканчивая Калининградом, практически нет белых пятен. В каждом крупном городе есть ПИСАТЕЛЬ да не один. И многие из этих личностей вполне достойны того, чтобы о них знали читатели и коллеги по всей стране, а не только в своем околотке, где сочинителю в творческом смысле жить может быть даже и веселее, чем в «столицах». И сюжетов поболее. Человеческих, а не общественно-политических с уклоном в апокалипсис, отрицаловку, разврат, всемирное негодяйство. Плюс Интернет, связывающий писателя со всем миром и его культурными ценностями, с коллегами, читателями, почитателями, издателями. И нестоличные девушки все еще, как и в старые советские времена, уважают ЛИТЕРАТОРА, НЕПРИЗНАННОГО ГЕНИЯ, каковым просто обязан подспудно считать себя любой пишущий, никому этого знания не выдавая. А иначе игра не стоит свеч, и если ты не считаешь себя в глубине души гением, зачем мучиться? Но вся штука в том, что человек, который хотя бы раз публично сказал про себя «я гений», таковым не является и не станет никогда. Согласно тайным законам существования литературы в стране, которая сначала была Российской империей, потом стала империей Советской, а сейчас именуется скучным нерусским словом Федерация.

Но в житейском смысле существовать здесь писателю конечно же хуже. Денег нет, интеллигентской работы мало, издательства в Москве и Питере, местные меценаты на яхтах по Средиземному морю не ездят. Хотя... захудалым провинциалом можно быть и в Москве, не только явившись туда вчера из символического Урюпинска, а вообще даже и родившись в пределах Садового кольца, получив воспитание на коленях у, допустим, Бориса Пастернака или В. П. Аксенова.

Это я все к тому, что нынче, слава богу, исчезли или на глазах исчезают эти самые провинциальные комплексы и замашки, включающие в себя смирение паче гордыни и ненависть к преуспевающим коллегам, пристроившимся непосредственно у центрального окна раздачи наград и пряников. Литературную награду теперь, как выяснилось, можно получить, даже если ты графоманствуешь в Череповце и сочиняешь всякое псевдоисторическое непотребство на радость продвинутому лоху.

А вот Михаил Гундарин, возросший на Алтае, моих общих слов о нем вполне, я считаю, достоин. Много лет назад я познакомился с ним и его прозой, когда вместе с Романом Солнцевым вел семинар в Липках, откуда стартовали некоторые нынешние звезды молодой литературы, к которой — вот вопрос — принадлежит ПОКА или УЖЕ нет Михаил Гундарин, 1968 года рождения, выпускник факультета журналистики МГУ 1991 года? Который за это утекшее в вечность время защитил диссертацию, сделал университетскую карьеру, стал телезвездой, носил гордую кличку «гуру Алтайского пиара», теперь заведует кафедрой в одном из университетов Москвы. Пардон, но меня эти ипостаси его личности интересуют куда меньше, чем его писательство. Радость: снова встретившись с ним прошлой осенью, я с удовольствием обнаружил, что ПИСАТЕЛЮ Гундарину есть что предъявить городу и миру. Циклы и сборники стихов, несколько повестей, романов, критические статьи, рассказы. Увы, почти все это «гунда-

ринское богатство» из его копилки-сундучка пока что слабо публикуется на бумаге и куцо представлено в Интернете.

Вот почему я предлагаю читателями дружбу с Михаилом Гундариним и книгу его прозы. Весьма, как мне кажется, для него характерной и весьма странной тем, что реализм здесь незаметно смещается в сторону мистики и безумия, чтобы оттуда уже не возвратиться. Слышал, что нынче такое именуют иногда модным словом «метамодернизм», но не ведаю, что это такое, как никогда не знал, что такое, например, соцреализм и постмодернизм. Писатель или есть, или его нет. Гундарин есть.

Разумеется, вырос Гундарин не на пустом месте. Он может соглашаться со мной или протестовать, но первым в числе его учителей я назвал бы Шукшина, которого по ехидному замечанию Гундарина с недавних пор насаждают на Алтае, как Екатерина картошку, хотя при жизни мастера алтайские советские власти воротили от него нос, а земляки, которые нынче, прямо нужно сказать, ЖИВУТ С НЕГО, продавая туристам, привлеченным его именем, мед, сало, бальзам и шерстяные носки, были крайне недовольны тем, что угодили к нему в персонажи.

И еще одного предшественника М. Гундарина в русской сибирской литературе я осмелюсь назвать. Это, конечно же, ранний Всеволод Иванов, автор «Тайного тайных», «Кремля» и «У». Вот, кстати, еще одна тема для размышлений — отчего это русская литература, ведущая свое географическое происхождение из Сибири, столь формалистична, фантаσμαгорична, условна и т. д. (Антон Сорокин, Вивиан Итин, Владимир Зазубрин, Леонид Мартынов, Всеволод Иванов, наш современник Эдуард Русаков)? Местность, что ль, тому способствует, историческое отсутствие здесь крепостного права или пассионарность аборигенов Сибири, попавших сюда большей частью под конвоем — не знаю. А вы знаете?

И в заключение я выдвину еще одно, возможно уж совсем нереальное соображение, простительное мне, пожалуй, скорее как читателю, чем писателю. Я угадываю в прозе Гундарина те мотивы иных реальностей, которые так успешно использовал в своих «Кельтских сумерках» ирландский Нобелевский лауреат Уильям Батлер Йейтс. Возможно я ошибаюсь, но может быть и нет. Во всяком случае проза Гундарина одновременно и ПОЧВЕННАЯ, и КОСМОПОЛИТИЧЕСКАЯ, каковой, собственно, и должна быть любая качественная проза.

Я все это пишу к тому, что, может быть, прочитав эту книгу вы возлюбите оригинального, «штучного» писателя Гундарина, и Михаил Вячеславович станет, наконец, знаменит, как тот Александр Всеволодович, который Саша Соколов.

Апрель 2020 г., Москва

ИЗОБИЛИЕ

*Ich sih die liehte heide
In gruner varwe stan
Dar suln wir alle gehen
Die sumerzeit enphaben*

*Я вижу лес зеленый,
Весь залитый светом
Туда пойдем мы скоро,
Чтобы встретить лето.*

1

Эта газета называлась «ЗАКИЗБ». То есть «За коммунистическое изобилие». Но так не говорил, кажется, никто. Подписчики именовали свою районку не иначе как «бумажкой». (Примерно так: «Слышь, Семеновна, бумажка-то была нынче?» — «Да нет еще, Петровна... А надо бы, вот сижу, жду...»)

Свои употребляли аббревиатуру, ударяя ее последний слог. Финальная «Б» при этом пропадала, «З» смягчалась, и получалась то ли некая неграмотная «закись» (вместо закиси, например, азота), то ли настоятельное пожелание «закисить» кого-нибудь. Я бы сделал это с большим удовольствием — однако, куда там. Положим, обе дамы, входившие в регулярный состав редакции, мне подмигивали как-то по особенному — например, на юбилее у Главного, в саду под роскошными яблонями, золотыми плодами Гесперид. Но в девятнадцать лет я всего такого побаивался. Напрасно! Впрочем, всерьез интересоваться мною им было недосуг. Одна, блондинка Лариса Петровна, как раз находилась в отпуске, помогала мужу-бригадиру строить дом (получился, я уверен, огромным, светлым, красивым).

Поэтому если и забегала в редакцию, то, как понимаю теперь, только глянуть на практиканта — меня. Другая, брюнетка Вероника Матвеевна (понятно, обе сразу предложили называть их просто Лара и Вера), все время моталась по командировкам. Шутка ли, был август, всюду шла уборочная, намолот зерновых ожидался рекордным.

Вообще, такого благодатного лета и старожилы не могли припомнить. Значит, будет чем питаться фуражным коровам, будет что сдавать в закрома Родины. Тем более в обстановке ускорения и оздоровления общественно-политической жизни.

Не сидел на месте и наш Главный — хмурый человек в черном пиджаке и кирзовых сапогах, при очках в проволочной оправе, двадцать пять лет отработавший учителем истории в школе райцентра. Он делал в день по несколько сот километров на райкомовском «газике», заднее сидение которого, между прочим, было устлано шкурой снежного барса — добычей Первого секретаря, вряд ли законной. Раз в неделю Главный все на том же авто, содержащемся в безукоризненном состоянии, увозил приготовленные материалы в соседний райцентр, в типографию. Наутро возвращался обратно.

Редакционная же машина — темно-бордовая (редчайший цвет!) Волга-ГАЗ 21, с настоящими хромированными деталями, попавшая в газету после списания из райкома, тому лет двадцать — была все время в ремонте. Пылилась и маслилась на машинном дворе среди сеялок и косилок, имевших невероятные, просто неземные, для меня, горожанина, формы. Стальные богомолы, стрекозы, кузнечики. Огромные, нелепые, крашенные красной «пожарной» краской. Все они были необратимо изуродованы, как будто родовой травмой, потому совершать хоть какие-то целенаправленные действия не могли. Вот и прятались от глаз людских.

Наш шофер, дядя Коля, украшением которого был полный рот золотых зубов, да вытатуированные на паль-